

МИФОЛОГИЯ



БЕССМЕРТНЫЕ ИСТОРИИ О БОГАХ И ГЕРОЯХ

ЭДИТ ГАМИЛЬТОН

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Эдит Гамильтон

**Мифология. Бессмертные
истории о богах и героях**

«Альпина Диджитал»

1942

Гамильтон Э.

Мифология. Бессмертные истории о богах и героях /

Э. Гамильтон — «Альпина Диджитал», 1942

«Мифология» Эдит Гамильтон – классический интеллектуальный бестселлер, интерес к которому растет из года в год. Автор мастерски адаптирует для современного читателя греческие, римские и скандинавские мифы, знакомые нам с детства. Троянская война, путешествия Одиссея, подвиги Геракла, поход за золотым руном, Зевс, Прометей, Амур, Пегас, Дедал, Афродита, Сигурд, Тор, Один – боги и герои античного времени оживают в этой книге. Гамильтон собирает из множества источников (Гомер, Овидий, Гесиод, Пиндар, Софокл, Еврипид, Геродот, Апулей) целостную картину событий, мы видим мифы не фрагментарно, а понятными и законченными историями. Это чарующий мир мифологии, который никогда не потускнеет.

© Гамильтон Э., 1942

© Альпина Диджитал, 1942

Содержание

Предисловие	6
Введение в античную мифологию	7
Греческие мифы	8
Греческие и римские источники мифологических сюжетов	13
Часть I	15
I	17
Двенадцать богов-олимпийцев состояли между собой в родстве	18
Зевс	20
Гера	21
Посейдон	21
Аид	22
Афина Паллада	23
Аполлон	23
Артемида	24
Афродита	26
Гермес	27
Арес	27
Гефест	28
Гестия	29
Другие боги Олимпа	29
Божества водной стихии	32
Подземное царство	33
Другие земные божества	34
Римские боги	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Эдит Гамильтон

Мифология. Бессмертные истории о богах и героях

Переводчик *Мария Десятова*

Научный редактор *Святослав Смирнов, канд. ист. наук*

Редактор *Марина Семёнова*

Руководитель проекта *А. Тарасова*

Корректоры *Е. Рудницкая, Е. Сметанникова*

Компьютерная верстка *А. Фоминов, М. Поташкин*

Дизайн обложки *HEADCASE DESIGN*

Иллюстрации *Jim Tierney*

Оригинальный макет *Paul Kepple, Max Vandenberg / HEADCASE DESIGN*

© Edith Hamilton, 1942

© Dorian Fielding Reid and Doris Fielding Reid, 1969

© Обложка. Hachette Book Group, Inc., 2017

© Издание на русском языке, перевод, адаптация макета. ООО «Альпина нон-фикшн», 2020

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Предисловие

Книга по мифологии содержит материал, взятый из множества источников. Более двенадцати веков разделяют самых ранних поэтов, увековечивших в своих произведениях древние мифы и легенды, и авторов поздней Античности, поэтому иногда разные варианты одного и того же предания так же мало похожи друг на друга, как, например, «Золушка» на «Короля Лира». Объединить все мифы в одном сборнике – примерно то же самое, что составить однотомник всей английской классики от Чосера, баллад, Шекспира, Марлоу, Свифта, Дефо, Драйдена, Поупа и так далее до, скажем, Теннисона и Браунинга или даже, для полноты картины, до Киплинга и Голсуорси. Антология английской литературы получится гораздо более увесистой, чем свод мифов, но при этом ощутимо более однородной. Если на то пошло, у Чосера куда больше сходства с Голсуорси, а у баллад с Киплингом, чем у Гомера с Лукианом или у Эсхила с Овидием.

Понимая это, я отказалась от любых попыток унифицировать источники. В противном случае пришлось бы, условно говоря, упрощать «Короля Лира» до «Золушки» (обратное, разумеется, невозможно) или пересказывать собственными словами сюжеты, не принадлежащие мне и уже когда-то изложенные великими в той манере, которую они сочли подходящей. Конечно, я не собираюсь замахиваться на подражание гениям прошлого. Моя задача куда скромнее – дать возможность почувствовать индивидуальность авторов, сумевших сберечь для нас предания и легенды. Я старалась показать различия между столь непохожими мастерами, как, например, Гесиод и Овидий: от подобного сборника читатели вправе ждать прежде всего максимальной близости к первоисточникам, а не просто занимательного пересказа.

Такой подход, я надеюсь, позволит тем, кто никогда не соприкасался с античной литературой, не только познакомиться с мифологическими сюжетами, но и получить некоторое представление о тех, кто их излагает, – великих авторах, чье бессмертие подтверждают два с лишним минувших тысячелетия.



Введение в античную мифологию

С давних пор, еще после отделения от варваров, эллины отличались бóльшим по сравнению с варварами благоразумием и свободой от глупых суеверий¹.

Геродот. История (Книга I, глава 60)

Принято считать, будто древнегреческие и древнеримские мифы отражают образ мышления и мировосприятия, свойственный нашим далеким предкам, жившим в незапамятные времена. Согласно этой расхожей точке зрения, по мифологическим сюжетам можно проследить пройденный человеком путь от абсолютного слияния с природой к полному отрыву от нее, то есть к цивилизации. В рамках такого подхода мифы интересны прежде всего тем, что позволяют нам перенестись в ту пору, когда мир был еще юным, а люди имели такую тесную связь с землей, деревьями, морем, цветами, холмами, какую мы уже не способны ощутить. Когда создавались мифологические сюжеты, человек якобы еще слабо отличал действительность от вымысла. Разум не сдерживал буйство воображения, поэтому в лесных дебрях любой мог разглядеть мелькнувшую за деревьями нимфу, а в прозрачной воде родника – лик наяды.

О возвращении к этому идиллическому первозданному состоянию грезят почти все, кто так или иначе обращается в своих сочинениях к античной мифологии, в первую очередь поэты. В те невообразимо давние времена

*Своей наивной верой вдохновенный,
Я в мире так бы не был одинок:
Протей вставал бы предо мной из пены
И дул Тритон в свой перевитый рог!²*

Сквозь призму мифа нам предлагается заглянуть краем глаза в мир, населенный удивительными, прекрасными созданиями.

Однако достаточно задуматься об укладе и образе жизни нецивилизованного дикаря в каких угодно краях какой угодно эпохи, и эти романтические иллюзии развеются сами собой. Совершенно очевидно, что ни один дикарь, будь то в современной Новой Гвинее или в первобытном племени тысячи лет назад, не стал бы расцвечивать окружающую действительность радужными красками и наполнять чудесными видениями. В глухой доисторической чащобе жили страхи и опасности, а не прелестные нимфы и наяды. Там обитал Ужас со своей неизменной приспешницей Магией и ее самым привычным орудием – ритуальным убийством. В стремлении уберечься от гнева вездесущих божеств люди уповали главным образом на колдовские обряды, бессмысленные, но заставлявшие трепетать, или на жертвоприношения, оплаченные болью и страданиями.

¹ Геродот. История. Перевод Г. А. Стратановского.

² Уильям Вордсворт. «Нас манит суеты избитый путь...». Перевод Г. М. Кружкова.

Греческие мифы

Сюжеты античной мифологии бесконечно далеки от этой мрачной картины, и узнать, как древние воспринимали окружающий мир, из греческих мифов вряд ли удастся. Неслучайно антропологи редко обращаются к ним в своих исследованиях.

Разумеется, греки вышли из той же первобытной скверны. Разумеется, когда-то и они были дикими, примитивными, неотесанными, свирепыми и кровожадными. Но, читая мифы, мы видим, как высоко греки поднялись над доисторической дремучестью и зверством к моменту создания первых дошедших до нас творений. От былого там остался лишь едва уловимый отзвук.

Мы не знаем, когда эти истории обрели свой нынешний вид, но очевидно, что к тому времени первобытный уклад остался далеко в прошлом. Известные нам греческие мифы – это произведения великих поэтов. Самым ранним литературным памятником эпохи Античности выступает «Илиада». Классическая греческая мифология начинается с Гомера, жившего, как принято считать, не позже чем за тысячу лет до Христа. «Илиада» – древнейший образец (или совокупность образцов) греческой литературы, изумляющий богатством, изяществом и красотой языка, который оттачивался столетиями в стремлении людей к точности и совершенству выражения своих мыслей и чувств, а это неоспоримое доказательство развитой культуры. Греческие мифы не дают представления о первобытном состоянии всего человечества, зато очень ярко показывают, какими были сами древние греки, что гораздо важнее для нас как наследников их интеллектуальных, эстетических и даже политических традиций. Все, что мы узнаем об эллинах, не чуждо и нам.

Часто говорят о «греческом чуде», подразумевая, что с возникновением греческой культуры родился новый мир. «Древнее прошло, теперь все новое»³. Примерно это и случилось в Греции.

В отличие от египтян греки создавали богов по своему образу и подобию. Почему и когда именно они стали это делать, неизвестно. Но совершенно очевидно, что в произведениях самых ранних греческих поэтов угадывается новое мировоззрение, немыслимое для предшественников, но уже абсолютно неотделимое от следующих поколений. Благодаря Древней Греции человечество стало центром мироздания, главной его составляющей. Произошел коренной переворот в мышлении. До тех пор человек был никем. В Греции он впервые осознал себя частью человечества.

Греки очеловечили богов. До них такое никому в голову не приходило. Прежние боги, созданные другими древними культурами, не имели ни малейшего сходства с окружающей человека действительностью и резко отличались от подлинных живых существ. Исполинские египетские колоссы, которых никакое воображение не в силах наделить подвижностью, – такие же безжизненные каменные изваяния, как величественные храмовые колонны. Эти монументальные истуканы с очертаниями человеческого тела намеренно лишены человеческих черт. Или вот застывшая, лишенная пластичности фигура женщины с головой кошки, знаменующая собой непоколебимую, нечеловеческую беспощадность. Или чудовищный загадочный сфинкс, далекий от всего живого. В Месопотамии на барельефах изображены диковинные существа, подобных которым не отыскать в природе, – люди с птичьими головами и львы с головами быков, и у всех этих странных особей орлиные крылья. Скульпторы стремились явить миру доведенную до крайности нереальность, никем не виданных созданий, порожденных исключительно фантазиями мастеров.

³ Второе послание к Коринфянам, 5:17.

Именно таким фантасмагорическим божествам поклонялся догреческий мир. Достаточно мысленно сравнить с ними статую любого греческого бога, пленяющего своей естественной красотой, и сразу будет ясно, в чем заключалась новая идея, предложенная греками. С ее возникновением мир стал рациональным.

Апостол Павел утверждал, что невидимое нужно постигать через видимое. Это не иудейская идея, а греческая. Во всем Древнем мире видимое заботило только греков, которые находили воплощение своих замыслов в окружающей их действительности. Наблюдая за атлетами во время состязаний, скульптор осознал, что ничего прекраснее этих сильных молодых тел он вообразить не сумеет, и приступал к работе над статуей Аполлона. Выхватив взглядом из толпы прохожих юношу «с девственным пухом на свежих ланитах, в прекрасном младости цвете»⁴, сказитель являл нам Гермеса. Греческие художники и поэты понимали, насколько прекрасен может быть человек в своем первозданном облике – сильный, быстрый, ловкий. Искать что-то более совершенное им было незачем. Они не собирались черпать вдохновение в дебрях своих фантазий. Греческое искусство и мысль сосредоточились на человеке.

Небеса, населенные антропоморфными обитателями, стали ближе и роднее. Греки знали там каждый уголок, отлично представляли, чем занимаются небожители, что едят и пьют, где устраивают пиры, как развлекаются. Это, впрочем, не отменяло страха: боги были могущественными и очень опасными в гневе. Однако, соблюдая определенную осторожность, с бессмертными вполне удавалось ужиться. И даже позволить себе посмеяться над ними. Особенно над Зевсом, вечно терпевшим неудачи в попытках скрыть от супруги свои похождения. У греков он был самым любимым объектом для подтрунивания. Типичным комическим персонажем выступала и его ревнивая жена Гера. Ухищрения, на которые она шла, чтобы вывести супруга на чистую воду и покарать соперницу, греков не отталкивали, а, наоборот, чаще всего забавляли, как забавляют нас аналогичные затеи ее нынешних подруг по несчастью. Такие сюжеты вызывали у людей отклик, настраивали на дружелюбное отношение к богам. Если рядом с египетским сфинксом или ассирийским птицезверем веселье было немыслимо, то на Олимпе оно выглядело вполне уместным и приближало богов к людям.

Не только небожители, но и низшие земные божества обладали чрезвычайно привлекательными человеческими чертами. В облике прелестных юношей и девушек они резвились в лесах, реках и морях, пребывая в абсолютной гармонии с цветущей землей и лазурными водами.

В этом и состоит чудо греческой мифологии – в гуманизации мира и освобождении от парализующего страха перед всемогущим неведомым. Греки распрощались и с кошмарными исчадиями, которые обожествлялись у прочих народов, и с жуткими духами, заполнявшими землю, воздух и море. Как это ни парадоксально звучит, сочинители мифов, несмотря на подчас невероятную фантастичность сюжетов, не испытывали тяги к иррациональному и любили факты. Если вчитаться внимательно, выяснится, что даже самые немыслимые события развиваются на совершенно обыденном, хорошо узнаваемом фоне. Дом Геракла, вся жизнь которого бесконечное сражение с невообразимыми чудовищами, по преданию, располагался в Фивах. На побережье острова Кифера, где из морской пены родилась Афродита, мог наведаться любой желающий. Крылатый конь Пегас, весь день паривший под облаками, ночевать отправлялся в уютную коринфскую конюшню. Привязка к знакомому и привычному придавала мифологическим персонажам некоторую реальность. Наивно? А вы задумайтесь, насколько более надежным и осмысленным выглядит осязаемый антураж по сравнению, например, с возникновением джинна из ниоткуда, когда Аладдин трет лампу, и исчезновением в никуда после исполнения желания.

⁴ Гомер. Одиссея. Перевод В. А. Жуковского.

В классической античной мифологии не осталось места устрашающему иррациональному. Магия, такая могущественная до и после древних греков, в их эпоху сошла на нет. Колдовскими сверхъестественными способностями обладают лишь две женщины (и никто из мужчин). Ни демонические чернокнижники, ни безобразные ведьмы, державшие в страхе Европу и Америку вплоть до относительно недавнего времени, в греческих сюжетах никакой роли не играют. Единственные волшебницы, Медея и Цирцея (греческая Кирка), молоды и ослепительно прекрасны, то есть вызывают восхищение, а не ужас. Астрология, владеющая умами людей со времен Древнего Вавилона до наших дней, античной Греции была неведома. Историй о звездах у греков хватает, однако ни о каком влиянии небесных светил на человеческую жизнь нет и речи. Из наблюдений за звездным небом у них рождается только астрономия. Ни в одном сюжете мы не найдем жреца-чародея, перед которым все трепещут, поскольку он умеет и снискать расположение богов, и настроить их против человека. Такие жрецы встречаются в мифах редко и маячат где-то на самом дальнем плане. Когда главного героя «Одиссеи» на коленях молят о пощаде жрец-жертвогосподитель и поэт-песнопевец, Одиссей без раздумий убивает жреца, но оставляет в живых поэта. По словам Гомера, герой не отваживается предать смерти того, чью «душу согрели вдохновением боги». Не священнику, а поэту дано воздействовать на богов, но он ни для кого не представляет опасности. Не встречаются в греческих мифах и блуждающие по земле призраки, духи умерших, которых другие народы привыкли бояться и почитать. «Жалкие мертвецы»⁵, как зовет их Гомер, греков не пугали.

Мир греческих мифов далек от того, чтобы держать человека в постоянном страхе. Да, боги бывают катастрофически непредсказуемы. Никогда не знаешь, куда ударит молния Зевса-громовержца. И все же весь олимпийский пантеон, за редким и, как правило, малозначимым исключением, пленял совершенно человеческой красотой, которой человеку было бы странно бояться. Ранние греческие мифотворцы превратили мир, полный страха, в царство прекрасного.

Тем не менее и в этой радужной картине есть много темных мест. Преобразование сонма божеств шло медленно и до конца не завершилось. Долгое время во всем, кроме внешнего облика, очеловеченные боги были далеки от идеала, не слишком отличаясь поведением от тех, кто их почитал. Да, небожители были гораздо привлекательнее и могущественнее людей и, разумеется, обладали бессмертием, однако зачастую совершали абсолютно непозволительные для благочестивого человека поступки. Гектор в «Илиаде» выглядит несравненно благороднее любого из небожителей, а Андромаха – достойнее и Афины, и Афродиты. Гера из тех богинь, в ком крайне мало человечности. Почти любой из сиятельных богов, кого ни возьми, способен на жестокость и подлость. И в гомеровский период, и намного позже представления о добре и зле на Олимпе оставались весьма ограниченными.

Хорошо заметны в этой картине и другие мрачные тени – следы архаического прошлого, когда боги были звероподобными. О нем напоминают козлоногие сатиры и полулюди-полукони кентавры. Геру часто называют «волоокой». Она словно пронесла этот эпитет через весь процесс превращения из обожествленной коровы в верховную богиню, имеющую абсолютно антропоморфные черты. Некоторые сюжеты обнаруживают явную связь с эпохой жертвоприношений. Однако поразительны вовсе не отголоски диких верований сами по себе – удивляет их немногочисленность.

Мифические чудовища, безусловно, предстают в самых невероятных обликах. Это и горгоны, и гидры, и химеры. Но они нужны лишь для того, чтобы показать героя-победителя во всем блеске его славы. Что ему делать без чудовищ? Кого повергать в прах? Не исключено, что великий мифологический герой Геракл – олицетворение самой Греции: он сражался с чудови-

⁵ Гомер. Одиссея. Песнь X. Перевод В. В. Вересаева.

щами и освободил от них землю, как Греция освободила остальной мир от чудовищной идеи превосходства нечеловеческого над человеческим.

Хотя греческая мифология состоит в основном из историй о богах и богинях, не следует воспринимать ее как своего рода Библию и изложение догматов греческой религии. Согласно последним трактовкам, подлинный миф не имеет с религией ничего общего. Это способ в иносказательной форме истолковать явления природы, объяснить, как возникло мироздание и отдельные его элементы: люди, животные, то или иное дерево либо цветок, солнце, луна, звезды, откуда берутся бури, извержения, землетрясения – словом, все сущее и происходящее. Громы и молнии мечет Зевс-громовержец. Вулкан извергается оттого, что заточенное в недрах горы чудовище рвется на волю. Созвездие Большой Медведицы не уходит за горизонт, потому что когда-то на него разгневалась богиня и запретила опускаться в море. Мифы – это предшественники науки, первые попытки человека разобраться в том, что он видел вокруг. Однако в обширной коллекции мифов много и таких, которые ничего не объясняют. Это просто занимательные истории вроде тех, которые обычно рассказывают, чтобы скоротать время долгими зимними вечерами. К ним относятся, например, не связанный ни с какими событиями в природе миф о Пигмалионе и Галатее, сказание о походе аргонавтов за золотым руном, легенда об Орфее и Эвридике и масса других. Теперь это общепризнанный факт, поэтому можно больше не выискивать в каждом женском персонаже олицетворение луны или зари, а в событиях жизни героя – солярный миф. Из древних преданий рождалась не только наука, но и литература.

Между тем религия в мифах в известной мере все-таки присутствует. Пусть не на переднем плане, однако вполне ощутимо. В греческой литературе от Гомера до великих трагиков и даже более поздних авторов постепенно углублялось осознание того, что нужно человеку и что он должен ожидать от своих богов.

Зевс-громовержец когда-то, по всей вероятности, был богом дождя. Он главенствовал даже над солнцем, поскольку каменистая греческая земля нуждалась в дождях больше, чем в солнечном свете, а значит, претендовать на роль верховного бога мог в первую очередь тот, в чьих силах было напоить поля живительной влагой. Но Зевс у Гомера не природное явление. Это антропоморфный персонаж, обитающий в мире, куда уже проникла цивилизация, и, разумеется, имеющий представление о добре и зле. Представление довольно примитивное, надо сказать, и в основном применимое к другим, а не к себе, но все-таки его хватает, чтобы карать лгунов и клятвопреступников, гневаться на непочтительное обращение с мертвыми, сочувствовать и помогать Приаму, когда тот идет к Ахиллу со слезной мольбой. В «Одиссее» Зевс поднимается на ступень выше. Один из персонажей поэмы, старый свинопас, говорит, что нищих и странников к нему приводит Зевс и отказать в помощи убогому означает нарушить волю Громовержца. Как утверждает Гесиод в строках, написанных ненамного позже гомеровских, а может быть, и одновременно с ними, тот, кто обидит просителей, странников или сирот, «вызовет гнев самого Кронида»⁶.

Затем спутницей Зевса стала Справедливость. Это было новое понятие. Вожди-завоеватели в «Илиаде» справедливости не хотели: они стремились присвоить все, что приглянется, по праву сильного, поэтому желали бога, который благоволит сильным. Гесиод же, как земледелец, живший среди бедняков, понимал, что необходим другой бог, справедливый. «Звери, крылатые птицы и рыбы, пощады не зная, / Пусть поедают друг друга: сердца их не ведают правды. / Людям же правду Кронид даровал – высочайшее благо»⁷, – писал Гесиод, отводя Справедливости место на троне рядом с Громовержцем. Эти строки свидетельствуют о том, что страдания обездоленных достигли небес и покровитель сильных превратился в защитника слабых.

⁶ Гесиод. Труды и дни. Перевод В. В. Вересаева.

⁷ Там же.

За историями о Зевсе любвеобильном, Зевсе боязливым, Зевсе комичном проступает совсем иной образ, формирующийся по мере того, как люди стали глубже понимать требования, предъявляемые жизнью, и осознавать, что нужно человеку от бога, которому он поклоняется. Этот Зевс постепенно вытесняет своих предшественников, пока не завладевает авансценой безраздельно. Как писал на рубеже I–II вв. н. э. Дион Хрисостом, теперь он «наш Зевс», превратившийся в «подателя дыхания, жизни и всех благ, отца, спасителя и хранителя всех людей»⁸.

В «Одиссее» говорится, что «все мы, люди, имеем в богах благодетельных нужду»⁹, а сотни лет спустя Аристотель скажет: «Добродетель, многотруднейшая для смертного рода, краснейшая добыча жизни людской»¹⁰. У греческих авторов, вдохновлявшихся мифологическими сюжетами, с самого начала присутствует представление и о божественном совершенстве, и о добродетели. Неодолимая тяга к этим высоким идеалам побуждала поэтов неустанно трудиться над созданием их зримого воплощения, что и привело в конце концов к трансформации Громовержца в «отца и бессмертных и смертных»¹¹.

⁸ Дион Хрисостом. Олимпийская речь, или Об изначальном сознании божества. Перевод Н. В. Брагинской, М. Е. Грабарь-Пассек.

⁹ Гомер. Одиссея. Перевод В. А. Жуковского.

¹⁰ Аристотель. Сколий в честь Гирмия, тирана Атарнейского. Перевод М. Л. Гаспарова.

¹¹ Эпитет, часто используемый античными авторами. Гомер. Илиада. Песнь V. Перевод Н. И. Гнедича. – *Прим. ред.*

Греческие и римские источники мифологических сюжетов

Главным литературным источником для большинства книг об античной мифологии служат произведения римского поэта Овидия, творившего во времена правления императора Августа. Его поэмы – готовая мифологическая антология. По охвату материала с ним не сравнится никто из древних авторов, он пересказал почти все и довольно пространно. Среди сюжетов, знакомых нам по литературе и искусству, есть такие, которые дошли до нас только в его изложении. В своей книге я стараюсь обращаться к нему как можно меньше. Овидий, безусловно, прекрасный поэт и замечательный рассказчик, способный оценить мифы по достоинству и увидеть в них великолепную основу для своего творчества, однако смотрит он на них даже еще более отстраненно, чем мы сегодня. Овидий считает их нелепыми вымыслами.

*Что чудеса поминать, измышления древних поэтов? –
Этих чудес не видал и не увидит никто...*¹²

По сути, он говорит читателю: «Это ничего, что они несуразны. Я их приукрашу, и будет просто загляденье». И действительно получается красиво, но в его руках сюжеты, которые для древнегреческих поэтов, таких как Гесиод и Пиндар, были непреложной правдой, а для древнегреческих трагиков – проводниками глубокой религиозной истины, превращались в литературные безделицы, занимательные истории, местами остроумные и увлекательные, но чаще сентиментальные и утомительно риторичные, тогда как греческим сочинителям риторизм не свойствен и от сентиментальности они заметно далеки.

Список первостепенных авторов, сохранивших для нас мифологические сюжеты, довольно краток. Возглавляет его, разумеется, Гомер. «Илиада» и «Одиссея» представляют собой (точнее, содержат) древнейшие памятники греческой литературы. Датировать с точностью какую бы то ни было их часть не представляется возможным. Разногласия по этому поводу в научной среде слишком огромны, и к единому мнению ученые вряд ли когда-нибудь придут. Приемлемой отправной точкой, по крайней мере для «Илиады», более древней из двух поэм, можно считать 1000 г. до н. э.

Второго автора в предлагаемом списке, Гесиода, относят то к IX, то к VIII в. до н. э. Он был бедным земледельцем, перенес немало лишений и тягот. Его поэма «Труды и дни», которая учит людей достойно справляться с жизненными невзгодами, бесконечно далека от изысканного великолепия «Илиады» и «Одиссеи». Но Гесиоду есть что сказать и о богах. Вторая приписываемая ему поэма, «Теогония», целиком и полностью посвящена мифологии. Если авторство Гесиода не ошибка, значит, простой крестьянин, трудившийся в глуши, вдали от городов, первым из греков задумался о том, как появился окружающий мир, небеса, боги, люди, и предложил свое объяснение. Гомер подобными вопросами не задавался. «Теогония» же повествует о возникновении вселенной и нескольких поколений богов, поэтому играет очень важную роль в мифологической традиции.

Следующую строку в перечне источников занимают так называемые «гомеровские гимны», воспевающие различных богов. Определить время их написания затруднительно, однако большинство ученых датирует самые ранние из этих гимнов концом VIII – началом VII в. до н. э. Последний из значимых гимнов (всего их насчитывается тридцать три) был создан в Афинах в V или в IV в. до н. э.

Пиндар, величайший лирический поэт Древней Греции, начинал творить в конце VI в. до н. э. Он слагал оды в честь победителей состязаний на великих общегреческих празднествах,

¹² Публий Овидий Назон. Любовные элегии (Amores). Перевод С. В. Шервинского.

и в каждой из них присутствует либо мифологический сюжет, либо аллюзии на мифы. Для мифологии Пиндар не менее ценен, чем Гесиод.

Современником Пиндара был Эсхил, старший из трех крупнейших поэтов-трагиков. Остальные двое, Софокл и Еврипид, родились несколько позже; самый поздний из них, Еврипид, умер в конце V в. до н. э. За исключением «Персов» Эсхила, прославляющих победу греков над персами при Саламине, все трагедии основаны на мифологических сюжетах. Вместе с гомеровскими «Илиадой» и «Одиссеей» эти произведения составляют главнейший корпус источников, из которых мы черпаем наши знания об античной мифологии.

К мифам часто обращаются великий древнегреческий комедиограф Аристофан, живший на рубеже V–IV вв. до н. э., а также два великих писателя – Геродот, «отец истории», первый европейский историк, современник Еврипида, и философ Платон, принадлежащий следующему поколению.

На середину III в. до н. э. приходится творчество александрийских поэтов, названных так потому, что в этот период центр греческой литературы перемещается из Греции в Александрию Египетскую. Аполлоний Родосский пространно повествует о походе аргонавтов за золотым руном, попутно подключая ряд других мифов. И он, и трое других александрийцев, также осваивавших мифологическую ниву, – поэты-буколики Феокрит, Бион и Мосх – утратили простоту Гесиодовой и Пиндаровой веры в богов и оставили далеко позади глубину и торжественность религиозных воззрений великих трагиков, однако до фривольности Овидия все же не дошли.

Значительный вклад в обработку мифологических сюжетов вносят два автора, творившие во II в. н. э., – римлянин Апулей и грек Лукиан. Всем нам знакомый миф об Амуре и Психее присутствует только у Апулея, напоминающего писательской манерой Овидия. Лукиан же самобытен и не похож ни на кого. Он высмеивает богов. В его время они стали объектом сатиры. Однако это не мешает Лукиану мимоходом сообщать нам массу ценных сведений.

Еще один грек, Аполлодор¹³, делит с Овидием звание самого всеохватного из древних сочинителей, но в отличие от римского поэта он пишет слишком пресно и скучно, поскольку чрезмерно привержен фактам. В какую эпоху жил Аполлодор, вопрос спорный. Исследователи датируют его творчество в широком временном диапазоне – от I в. до н. э. до IX в. н. э. По мнению английского ученого Джеймса Джорджа Фрэзера, этот писатель принадлежит либо к I, либо ко II в. н. э.

Греку Павсанию, увлеченному путешественнику и автору первого в истории путеводителя, всегда находилось что сказать о мифологических событиях, связанных с местами, которые ему довелось посетить. Притом что жил Павсаний во II в. н. э., всем сюжетам он верит безоговорочно и пересказывает их с абсолютной серьезностью.

Особняком среди римских писателей стоит Вергилий. В историческую подлинность мифов он верит не больше своего современника Овидия, но находит в них психологическую правду и знание человеческой природы. Ему, как никому другому со времен греческих трагиков, удается вдохнуть жизнь в образы своих мифологических персонажей.

К мифам обращались и другие римские поэты. Несколько сюжетов есть у Катуллы, частые ссылки на мифы встречаются у Горация, но ни тот ни другой для мифологии не примечательны. Для римлян все эти истории не более чем предания глубокой старины, смутные тени далекого прошлого. Лучшие проводники в мир греческой мифологии – греческие авторы, верившие в то, о чем писали.

¹³ Здесь имеется в виду неизвестный автор «Мифологической библиотеки», которого в современной традиции условно принято называть Псевдо-Аполлодором. Долгое время его ошибочно отождествляли с известным афинским ученым II в. до н. э. Аполлодором. – *Прим. ред.*

Часть I





I Боги

*Туманные осколки древней славы,
Останки бренные божественного сонма,
Хранящие дыхание родины далекой –
Навеки канувших чертогов облачных Олимпа¹⁴.*

* * *

Греки считали, что не боги создали вселенную, а как раз наоборот – вселенная сотворила богов. Сначала появились Мать-Земля и Отец-Небо. Они-то и стали прародителями остальных божеств: детьми их были титаны, а внуками – олимпийские боги.

ТИТАНЫ И ДВЕНАДЦАТЬ ОЛИМПИЙСКИХ БОГОВ

Титаны, называемые также старшими богами, господствовали во вселенной целую вечность. Они обладали громадными размерами и невероятной силой. Титанов было много, однако в мифологических сюжетах фигурируют лишь несколько. Верховным среди них считался **КРОНОС** (римский Сатурн). Он правил титанами, пока его не сверг собственный сын **ЗЕВС** (римский Юпитер), который после захвата власти подчинил себе всех богов. Римляне утверждали, что низложенный Сатурн бежал в Италию, где с его появлением наступил золотой век, эпоха абсолютного мира и счастья, длившаяся до окончания царствования Сатурна.

Другими известными титанами были: **ОКЕАН**, мировой водный поток, окружающий земную твердь; его супруга **ТЕФИДА**; **ГИПЕРИОН**, отец солнца, луны и зари; **МНЕМОЗИНА**, богиня памяти; **ФЕМИДА**, олицетворение правосудия; и **ИАПЕТ**, отец прославленных сыновей – **АТЛАНТА**, держащего на плечах весь мир, и спасителя человечества **ПРОМЕТЕЯ**. Все они, кроме Иапета, относились к числу тех архаических божеств, которые с воцарением Зевса не подверглись изгнанию, но свое прежнее высокое положение все же утратили.

Двенадцать великих олимпийских богов главенствовали над остальными божествами, пришедшими на смену титанам. Олимпийскими они назывались по месту своего обитания – Олимпу, хотя, что такое Олимп, сказать сложно. Изначально, вне всякого сомнения, его воспринимали как гору, которую обычно отождествляли с самой высокой вершиной Греции – Олимпом в Фессалии, на северо-востоке страны. Но уже в древнейшей греческой поэме «Илиаде» это представление постепенно вытесняется образом Олимпа как некой таинственной обители, расположенной выше любой из земных гор. Когда в «Илиаде» Зевс обращается к богам, «на высшей главе многохолмного сидя Олимпа»¹⁵, речь явно идет о горном кряже. Однако всего через несколько строк Громовержец грозитя подвесить и землю и море на золотой цепи, прикрепленной к вершине Олимпа, который здесь уже никак не гора. Но и не небеса.

¹⁴ Эрнест Майерс. Гермес-олимпиец.

¹⁵ Гомер. Илиада. Перевод Н. И. Гнедича.

У того же Гомера Посейдон напоминает, что он властвует над морем, Аид – над преисподней, Зевс – над небом, но «общую всем остается земля и Олимп многохолмный»¹⁶.

На Олимпе, чем бы он ни был в действительности, вели огромные облачные врата, охраняемые орадами – богинями времен года. За вратами находились священные чертоги – там боги жили, спали, пировали, вкушая нектар и амброзию, наслаждались игрой Аполлона на лире. Это было царство полного покоя и блаженства, как пишет Гомер, «где ветры не дуют, где дождь не шумит хладоносный, где не подымлет метелей зима, где безоблачный воздух легкой лазурью разлит и сладчайшим сияньем проникнут»¹⁷.

Двенадцать богов-олимпийцев состояли между собой в родстве



¹⁶ Там же.

¹⁷ Гомер. Одиссея. Песнь VI. Перевод В. А. Жуковского.



ГРАВЮРА I.
Зевс восседает на Олимпе

Зевс

(ЮПИТЕР)

Власть над миром Зевс с братьями поделили по жребию. Посейдону досталось море, Аиду – подземное царство. Зевс стал верховным правителем. Он был владыкой небес, богом дождя, тучегонителем и громовержцем, метавшим страшные молнии. Могуществом и силой Зевс превосходил всех остальных богов, вместе взятых. В «Илиаде» он заявляет олимпийскому семейству:

*...держайте, изведайте, боги, да все убедитесь:
Цепь золотую теперь же спустив от высокого неба,
Все до последнего бога и все до последней богини
Свесьте по ней; но совлечь не возможете с неба на землю
Зевса, строителя вышнего, сколько бы вы ни трудились!
Если же я, рассудивши за благо, повлечь возжелаю, –
С самой землею и с самым морем ее повлеку я
И моею десницею окрест вершины Олимпа
Цепь обовью; и вселенная вся на высоких повиснет –
Столько превыше богов и столько превыше я смертных!¹⁸*

Тем не менее ни всемогуществом, ни всеведением Зевс не обладает. Его можно обмануть, с ним можно вступить в противоборство. В «Илиаде» его обводят вокруг пальца и Посейдон, и Гера. Иногда подчеркивается, что даже ему приходится подчиняться загадочной силе под названием Судьба или Рок. Гомер показывает, какое недовольство вызывает у Геры намерение Зевса спасти человека, которому судьбой предначертано погибнуть¹⁹.

Зевс предстает как любвеобильный бог, который увлекается то одной женщиной, то другой и всячески изворачивается, чтобы скрыть свои измены от супруги. Приписывание подобного поведения самому могущественному из богов исследователи объясняют тем, что мифологический Зевс – образ собирательный, объединяющий в себе множество разных божеств. Когда культ Зевса распространялся там, где уже имелся собственный небесный покровитель, два образа постепенно сливались в один и супруга более древнего из богов переходила к Зевсу. Итог оказался плачевным: в позднеантичный период греки стали порицать эти бесконечные любовные приключения.

Вместе с тем даже в самых ранних литературных памятниках Зевс исполнен величия и благородства. В «Илиаде» Агамемнон взывает к нему: «Славный, великий Зевс, чернооблачный житель эфира!»²⁰ Громовержец требовал от людей не только жертвоприношений, но и достойных поступков. Греческих воинов под Троей предупреждают, что «небожитель Кроноид в вероломствах не будет помощник»²¹ и клятвопреступники не избегнут его кары. Такая

¹⁸ Гомер. Илиада. Перевод Н. И. Гнедича.

¹⁹ Зевс хочет спасти своего любимого сына Сарпедона, которому предопределено погибнуть в поединке с Патроклом. Гера осуждает попытки верховного бога противостоять судьбе: «Смертного мужа, издревле уже обреченного року, / Ты свободить совершенно от смерти печальной желаешь? / Волю твори, но не все олимпийцы ее мы одобрим!» (Илиада. Песнь XVI. Перевод Н. И. Гнедича). – *Прим. ред.*

²⁰ Гомер. Илиада. Перевод Н. И. Гнедича.

²¹ Там же.

двойственность – соединение высокого и низкого – была характерна для образа Зевса очень долгое время.

Своим щитом, эгидой, Зевс повергал в ужас любого. Священной птицей верховного бога был орел, а священным деревом – дуб. Оракул (прорицалище) Зевса находился в Додоне, среди дубрав; жрецы толковали волю Громовержца по шелесту дубовых листьев.

Гера

(ЮНОНА)

Гера была сестрой и женой Зевса. Ее воспитали титаны Океан и Тефида. Гера покровительствовала супружеским узам. Особенно она заботилась о замужних женщинах. Между тем в образе Геры, созданном античными поэтами, привлекательного совсем немного. Да, в ранних гимнах ее превозносят:

*Золототронную славлю я Геру, рожденную Реей,
Вечноживущих царицу, с лицом красоты необычной,
Громкогремящего Зевса родную сестру и супругу
Славную. Все на великом Олимпе блаженные боги
Благоговейно ее наравне почитают с Кронидом²².*

Но когда дело доходит до подробностей, обнаруживается, что она занята в основном расправой с многочисленными пассиями Зевса, не щадя даже тех, кого он добивается хитростью или угрозами. Гере неважно, сопротивлялись ли несчастные его домогательствам и так ли уж велика их вина, – богиня карает всех без разбора. Неумолимая в своем гневе, Гера преследует не только самих соперниц, но и их детей. Она не забывает обид. Троянская война могла бы закончиться почетным миром, без победителей и побежденных, если бы Гера не затаила злобу на троянца²³, который присудил звание Прекраснейшей другой богине. Супругу Зевса глубоко уязвило, что ее красоту не признали. Чувство мести не отпускало богиню до тех пор, пока Троя не была полностью разрушена.

Лишь в одном знаменитом сюжете – мифе о золотом руне – Гера выступает милосердной покровительницей героев, вдохновляющей их на подвиги. Но нигде более она себя так не проявляет. Тем не менее ее почитали в каждом доме. К ней взывали о помощи замужние женщины. Илифия (Элифия), ведавшая родовспоможением, была ее дочерью.

Культовые животные Геры – корова и павлин. Среди городов особой благосклонностью богини пользовался Аргос.

Посейдон

(НЕПТУН)

Повелитель морей Посейдон величием уступал лишь своему брату Зевсу. Берега Эгейского моря населяли мореплаватели. Неудивительно, что морского бога греки ставили пре-

²² К Гере // Гомеровские гимны. Перевод В. В. Вересаева.

²³ Речь идет о Парисе, признавшем прекраснейшей из богинь Афродиту. – Прим. ред.

выше всех. В жены ему досталась Амфитрита, внучка титана Океана. У Посейдона имелись великолепные чертоги на дне морском, однако на Олимпе он появлялся чаще.

Его почитали не только как владыку морей, но и как бога, подарившего людям первого коня:

*То коней краса,
Жеребят краса
И прекрасный труд
Мореплаванья.
Ты, о Крона сын,
Посейдон-отец,
Край прославил!²⁴*

Ему подвластны и буря, и штиль.

*Ветры подняв, заградил предо мной он дорогу, и море
Все беспредельное вдруг затревожилось²⁵.*

Но стоило Посейдону пронестись по грозно ревающим волнам на своей золотой колеснице, как они утихали, и за повозкой бога, плавно скользившей по морю, расстилалась безмятежная синяя гладь.

Посейдона часто называют колебателем земли. Он неизменно изображается с трезубцем, ударом которого сотрясает и крушит все, что пожелает.

Култ Посейдона связан не только с лошадьми, но отчасти и с быками, однако бык ассоциируется также со многими другими божествами.

Аид

(ПЛУТОН)

При разделе мира Аид, третий из братьев-олимпийцев, получил по жребию власть над подземным царством и мертвыми. Его величали также Плутон²⁶, поскольку он считался владыкой драгоценных металлов и прочих несметных сокровищ, скрытых в земных недрах. Так этого бога называли и греки, и римляне. Последние, впрочем, часто заменяли его имя латинским Дис, означающим «богатый»²⁷. Знаменитый шлем Аида делал невидимым любого, кто его наденет. Владыка подземного царства редко покидал свою мрачную обитель ради визитов на Олимп или на землю, да от него этого особо никто и не требовал. Он не был желанным гостем. Аида считали безжалостным, неумолимым, хотя вместе с тем и справедливым богом – грозным, но не злым.

²⁴ Софокл. Эдип в Колоне. Перевод С. В. Шервинского.

²⁵ Гомер. Одиссея. Перевод В. А. Жуковского.

²⁶ От др.-греч. Πλούτων – «богатство». – Прим. ред.

²⁷ Сокращенный вариант имени Диспатер (от лат. *dis pater*; согласно Цицерону, этимологически восходит к *dives pater* – «богатый отец»). Диспатером звали исконного древнего бога подземного царства в римской мифологии, который позже стал отождествляться с греческим Плутонем. Автор книги Эдит Гамильтон придерживается версии, что «Дис» – это буквальный латинский перевод имени Плутон. Многие исследователи считают такую точку зрения слишком упрощенной или ошибочной. – Прим. ред.

Супругу свою Персефону (римскую Прозерпину) он похитил на земле и сделал царицей подземного мира.

Аид повелевал мертвыми, но не олицетворял смерть. Эту роль выполнял другой бог – Танатос у греков и Орк у римлян.

Афина Паллада

(МИНЕРВА)

Богиню эту произвела на свет не мать, а собственный отец – Зевс²⁸. Афина вышла из головы Громовержца уже взрослой, в полном боевом облачении. В самом раннем рассказывающем о ней письменном источнике, «Илиаде», Афина изображается как свирепая, беспощадная воительница, однако в других литературных памятниках она проявляет воинственность, лишь когда нужно защитить государство и отчий край от внешних врагов. Афина в первую очередь покровительница города, защитница цивилизованного уклада, ремесел и земледелия, именно она изобрела узду и первая укротила лошадей, чтобы они служили людям.

Она была любимицей Зевса. Он доверял ей свой устрашающий щит, эгиду, и свое сокрушительное оружие – молнии.

Чаще всего к ней применяются эпитеты «сероокая», «светлоокая», «сиятельноокая». Она считается верховной среди трех богинь-девственниц и именуется Афиной-Девой (Парфенос), поэтому главный ее храм носит название Парфенон²⁹. В позднеантичной поэзии богиня предстает воплощением мудрости, разума, чистоты.

Она особо почиталась в Афинах; священным деревом дочери Зевса была сотворенная ею олива, а священной птицей – сова.

Аполлон

(ФЕБ)

Сын Зевса и Лето (римской Латоны) родился на крошечном острове Делос. Аполлона называют «самым греческим из всех богов». У греческих поэтов он прекрасен собой, это искусный музыкант, завораживающий игрой на своей золотой лире весь Олимп, и не менее искусный стреловержец, чей далеко разящий серебряный лук не знает промаха, а также бог-целитель, первым научивший людей врачеванию. Аполлон обладает и множеством других достоинств. В нем совершенно нет ничего темного. Он лучезарный бог света, а значит, и бог истины. Ни слова лжи не изрекут его уста.

*...и на златом...
Божественном треножнике
Воссел, неложный бог!
Из глубины святилища
Вещанья роду смертному
Ты раздаешь. Близ вод*

²⁸ Согласно самой распространенной версии, Зевс проглотил свою беременную жену Метиду, и Афина родилась из его головы. – Прим. ред.

²⁹ Был возведен на Акрополе в Афинах. – Прим. ред.

*Кастальских твой чертог стоит,
Земли средина здесь*³⁰.

По воле Зевса навеки принял Аполлон «почет средь храма людного, / А человек гадающий / Уверенность обрел»³¹ в правдивости услышанных там божественных предсказаний.

Оракул Аполлона в Дельфах, расположенных у подножия вздымающегося к небу Парнаса, играл важную роль в античной мифологии. Поблизости от него струился священный Кастальский ключ и текла река Кефис. Дельфы издревле считались центром мира, поэтому туда устремлялись толпы паломников со всей Греции и даже иноземцы. Ни одно другое святилище не могло соперничать с дельфийским. На вопросы жаждущих узнать истину отвечала жрица (пифия), пребывающая в состоянии транса. Вероятно, она находилась под воздействием дурманящих паров, поднимавшихся из глубокой скальной расщелины, над которой прорицательница восседала на специальном треножнике.

Аполлона называли Делосским по месту рождения, острову Делос, и Пифийским – в честь истребления змея Пифона, жившего когда-то в пещерах Парнаса. Битва с ужасным чудовищем была тяжелой, но в конце концов меткие стрелы принесли Аполлону победу. Еще один часто встречающийся эпитет – Ликейский – толкуется по-разному: как «волчий» бог, бог света или бог Ликийи. В «Илиаде» Аполлона величают также Сминфеем – «мышинным» богом, но что под этим подразумевается – защита мышей или их уничтожение, неизвестно. Нередко он наделялся и качествами солнечного божества. Его имя Феб означает «сияющий», «лучистый». Точности ради все же нужно заметить: подлинным богом солнца у греков был Гелиос, сын титана Гипериона.

Аполлон Дельфийский исполнен добра и милосердия. Он выступает прямым посредником, связующим звеном между богами и людьми, открывает смертным божественную волю, учит их ладить с богами. Кроме того, он обладает очистительной силой, способной снять скверну даже с тех, кто запятнал себя пролитием родственной крови. Тем не менее в нескольких мифологических сюжетах Аполлон предстает жестоким и безжалостным. Как и в остальных богах, в нем боролись две сущности – первобытно-дикая и возвышенно-прекрасная. Все же постепенно примитивное, грубое начало из его образа почти исчезло.

Дерево Аполлона – лавр. Священных животных у него много, главные из них – дельфин и ворон.

Артемида

(ДИАНА)

Эта богиня также носит имя Кинтия – по названию горы Кинт на острове Делос, где появилась на свет.

* * *

Она сестра-близнец Аполлона, дочь Зевса и Лето, и одна из трех олимпийских богинь-девушечек.

Только троих ни склонить, ни увлечь Афродита не в силах:

³⁰ Еврипид. Ифигения в Тавриде. Перевод И. Ф. Анненского.

³¹ Там же.

*Дочери Зевса-владыки, сиятельноокой Афины...
Любит она только войны и грозное Ареса дело,
Схватки жестокие, битвы, заботы о подвигах славных.
<...> Также не в силах Киприда улыбкалюбивая страстью
Жаркой и грудь Артемиды зажечь златострельной и шумной:
Любит она только луки, охоту в горах за зверями ...
Дел Афродиты не любит и скромная дева Гестия...³²*

Артемиде подчиняется вся дикая природа. В олимпийском пантеоне ей отведена нетипичная для женщины роль главного ловчего. Как и положено хорошему охотнику, она заботится о молодняке и потому слывет «заступницей диких чад»³³. Однако совершенно в духе существ мифологии парадоксальных противоречий та же Артемиде не дает греческим кораблям отплыть в Трою, пока не получит в жертву юную деву³⁴. Мстительность и жестокость богиня проявляет и в других сюжетах. Тем не менее, когда женщина умирала быстрой, безболезненной смертью, считалось, что ее сразила своей серебряной стрелой Артемиде.

Если Феб – это Солнце, то Артемиде – Луна, называемая Фебой и Селеной³⁵. Ни одно из этих имен изначально ей не принадлежало. Феба – титанида, одна из архаических, доолимпийских богинь. То же самое относится к Селене – да, это богиня Луны, но никак не связанная с Аполлоном: она сестра Гелиоса, солнечного бога, с которым порой путали Феба.

У поздних поэтов Артемиде отождествляется с Гекатой и предстает как трехликая богиня: Селена – на небе, Артемиде – на земле, Геката – в подземном царстве и в верхнем мире, когда он окутан мглой. Геката – богиня темной луны, непроглядных безлунных ночей. Ее считают пособницей нечестивых дел, богиней перекрестков, где, согласно поверьям, блуждают призраки и бесчинствуют колдовские силы. Жуткое божество, мрачная Геката глубин, «лишь заслышавши поступь которой / В черной крови меж могил дрожат от страха собаки»³⁶. Какая странная метаморфоза для стремительно летящей по лесу пленительной охотницы, Луны, в свете которой все становится прекрасным, и чистой богини-девы, в чьем саду

*...лишь тому, кто истинно стыдлив
Не хитростью, стыдлив душой свободной,
Срывать цветы там свежие дано:
Для слабых души они не расцветают³⁷.*

В ее образе наиболее наглядно выражена неопределенность границ между добром и злом, присущая всем античным богам.

Дерево Артемиде – кипарис; священными для нее считаются все дикие животные, но в первую очередь олень.

³² К Афродите // Гомеровские гимны. Перевод В. В. Вересаева.

³³ Фраза из трагедии Эсхила «Агамемнон». Полная цитата: «О заступница диких чад! / Сосунков-детенышей лвыицы грозной, / Всякой твари лесной молодое племя / Ты хранишь, прекрасная». Перевод С. К. Апта. – *Прим. ред.*

³⁴ По одной из версий, царь Агамемнон, предводитель греческого войска, застрелил на охоте лань и похвалялся, что в меткости превзошел саму Артемиду. Разгневанная богиня наслала то ли безветрие, то ли, наоборот, бурю с сильным встречным ветром, дующим в сторону берега. В любом случае флот греков не мог двинуться на Трою, пока взамен убитой лани Агамемнон не принесет в жертву собственную дочь Ифигению. – *Прим. ред.*

³⁵ По-латински Luna. – *Прим. авт.*

³⁶ Феокрит. Идиллии. Перевод М. Е. Грабарь-Пассек.

³⁷ Еврипид. Ипполит. Перевод И. Ф. Анненского.

Афродита

(ВЕНЕРА)

Она богиня любви и красоты, способная обольстить кого угодно – и людей, и богов; смешливая, всегда готовая то добродушно, а то и весьма язвительно поддразнить сраженных ее чарами. Устоять перед Афродитой невозможно, от нее теряют голову даже мудрецы.

Автор «Илиады» называет ее дочерью Зевса и Дионы. Однако в более поздних произведениях говорится, что она вышла из пены морской, на основании чего ее имя толкуется как «пенорожденная» – производное от греческого слова «афрос» («пена»)³⁸. Богиня появилась на свет близ острова Кифера, откуда ветер перенес ее на Кипр. С тех пор оба считаются священными островами Афродиты, а прозвища «Киприда» и «Киферея» употребляются так же часто, как и ее основное имя.

В одном из гомеровских гимнов, величающей ее «прекрасной и златовенчанной», сказано, как на Кипр

*...по волнам многозвучным
В пене воздушной пригнало ее дуновенье Зефира
Влажною силой своею. И Оры в златых диадемах,
Радостно встретив богиню, нетленной одежи одеждой...
К вечным богам повели. И, Киприду приветствуя, боги
Правую руку ей жали, и каждый желаньем зажегся
Сделать супругой законной своей и ввести ее в дом свой,
Виду безмерно дивясь Кифереи фиалковенчанной³⁹.*

Римляне тоже восхваляют ее. Она несет в мир красоту. Перед ней стихают ветры и разбегаются тучи, по земле расстилается ковер благоуханных цветов, морские волны смеются, а сама богиня излучает сияние. Без нее нет ни радости, ни любви. Именно такой предпочитают изображать ее поэты.

Но у этого образа есть и другая сторона. В «Илиаде», посвященной в основном битвам и подвигам героев, Афродита, разумеется, выглядит довольно бледно. Она здесь такая мягкая и слабая, что даже смертный не испытывает перед ней страха и может напасть. В более поздней поэзии Афродита обычно предстает как коварная, злокозненная богиня, которая демонстрирует свою разрушительную, губительную власть над людьми.

В большинстве мифов ее мужем выступает Гефест (римский Вулкан) – хромой и безобразный бог-кузнец.

Священное дерево Афродиты – мирт; птица – голубь, иногда также воробей и лебедь.

³⁸ В образе Афродиты соединились черты, заимствованные у малоазийских и ближневосточных богинь. Ее имя, которое греки с древних времен трактовали как «пенорожденная», на самом деле имеет негреческое происхождение, и его истинная этимология до сих пор не определена. – *Прим. ред.*

³⁹ К Афродите // Гомеровские гимны. Перевод В. В. Вересаева.

Гермес

(МЕРКУРИЙ)

Его отец – Зевс, а мать – Майя, дочь Атланта. Благодаря известной скульптуре мы представляем его себе лучше, чем остальных богов. Гермес изящен и стремителен, обут в крылатые сандалии; крыльями также увенчаны его головной убор⁴⁰ и волшебный жезл – кадуцей. Он вестник Зевса, «быстрый, как мысль».

Из всех богов Гермес самый хитрый и изворотливый, а еще он ловкий вор, занявшийся этим ремеслом в первый же день от роду.

*Утром, чуть свет, родился он, к полудню играл на кифаре,
К вечеру выкрал коров у метателя стрел, Аполлона...⁴¹*

Зевс заставил его вернуть стадо обратно, а прощение Аполлона Гермес заслужил, подарив ему свою лиру, сделанную собственноручно из панциря черепахи. Возможно, существует определенная связь между этим древним сюжетом и ролью Гермеса как бога торговли, прибыли и рынков, покровителя торговцев.

В парадоксальном противоречии с этим образом находится другая ипостась Гермеса – мрачного проводника умерших, божественного посланника, который сопровождает души в их последнюю обитель.

В мифологических сюжетах Гермес появляется чаще любых других божеств.

Арес

(МАРС)

Бог войны, сын Зевса и Геры, был, как сообщает Гомер, ненавистен им обоим. В «Илиаде» он действительно отвратителен, хотя эпическая поэма и посвящена войне. Временами герои, «в битвах сходяся, равно разделяли свирепство Ареса»⁴², но чаще радовались тому, что удалось избежать ярости «убийственной меди»⁴³. Гомер называет его смертоносным, кровавым богом, воплощенным проклятием смертных и в то же время представляет трусом, который, взревев от боли, уносится прочь, едва его ранят в сражении. У Ареса есть собственная свита из подручных, призванных распалить воинов. В ней состоят его сестра Эрида – Распря – и ее сын Раздор. Ареса сопровождает неистовая богиня войны Энио (римская Беллона) со своими спутниками Ужасом, Дрожью и Тревогой. Где ни пройдут они, вслед им несется вой и плач, а по земле разливаются реки крови.

Римляне относились к Марсу лучше, чем греки – к Аресу. Ни разу бог войны не предстает у них презренным нытиком и подлецом, как в «Илиаде». Это всегда могучий воин в сияющих доспехах, грозный и несокрушимый. В великой римской эпической поэме «Энеида» воины не просто далеки от того, чтобы радоваться своему спасению от бога войны, – они ликуют,

⁴⁰ Один из атрибутов Гермеса – петас, дорожная шляпа. – *Прим. ред.*

⁴¹ К Гермесу // Гомеровские гимны. Перевод В. В. Вересаева.

⁴² Гомер. Илиада. Перевод Н. И. Гнедича.

⁴³ Там же.

когда им предстоит «в гущу врагов на мечи устремиться», и гордятся, что «за отчизну в бою получили Марсовы раны»⁴⁴, а гибель в сражении считают достойной и сладостной.

В мифологических сюжетах Арес встречается редко. В одном из них он становится любовником Афродиты и его выставляет на посмешище перед всем Олимпом супруг златокудрой богини Гефест, однако в остальных случаях Арес всего лишь символ войны. Такой выраженной индивидуальностью, как Гермес, Гера, Аполлон, он не обладает.

Аресу не поклонялись ни в одном городе. По смутным представлениям греков, он происходил из находившейся к северо-востоку от Греции Фракии, где жили дикие, грубые, свирепые люди.

Гриф в качестве священной птицы идеально подходит Аресу, а вот позорное звание его священного животного почему-то досталось бедной собаке.

Гефест

(ВУЛКАН, МУЛЬЦИБЕР)

Бог огня в одних источниках считается сыном Зевса и Геры, в других – только Геры, которая родила его в отместку супругу, сумевшему самостоятельно произвести на свет Афины. Гефест – единственный обладатель уродливой внешности среди ослепительно прекрасных небожителей. К тому же хромым. В одной из песен «Илиады» он говорит, что его сбросила с неба «бесстыдная» мать, пожелавшая избавиться от калеки, а в другой заявляет, что это сделал Зевс, разозлившийся на него за попытку защитить Геру. Вторая версия известна больше благодаря знаменитым строкам из Мильтона:

*А миф гласит, что, мол, швырнул Юпитер
Во гневе за хрустальные зубцы
Ограды, окружающей Олимп,
Его на землю. Целый летний день
Он будто бы летел, с утра до полдня
И с полдня до заката, как звезда
Падучая, и средь Эгейских вод
На остров Лемнос рухнул⁴⁵.*

Правда, подразумевается, что события эти происходили в далеком прошлом. Во времена, о которых рассказывается в поэме Гомера, Гефесту уже не грозит выдворение с Олимпа: бессмертные высоко чтут его как искусного мастера, оружейника и кузнеца. Он создает для них чертоги, предметы обстановки, доспехи и вооружение. В кузнице ему помогают механические прислужницы, выкованные им из золота.

В более поздних произведениях его кузницу часто располагают под каким-нибудь вулканом и считают причиной извержений.

В «Илиаде» супруга Гефеста – одна из трех харит (Гесиод называет ее Аглаей), а в «Одиссее» он женат на Афродите.

Этот добродушный, миролюбивый бог снискал всеобщее уважение и на земле, и на небесах. Как и Афина, он играл важную роль в жизни городов. Оба были покровителями ремесел, которые вкупе с земледелием составляли основу цивилизации. Гефест опекал кузнецов,

⁴⁴ Вергилий. Энеида. Перевод С. А. Ошерова под ред. Ф. А. Петровского.

⁴⁵ Джон Мильтон. Потерянный рай. Перевод А. А. Штейнберга.

Афина – ткачей. Кроме того, под покровительством Гефеста проходила церемония официальной регистрации детей в городской общине⁴⁶.

Гестия

(ВЕСТА)

Она сестра Зевса, богиня-девственница, как и Афина с Артемидой. Ее отвлеченный образ лишен индивидуальных черт. В мифологических сюжетах Гестия участия не принимала. Она богиня домашнего очага, вокруг которого необходимо было пронести новорожденного, прежде чем принять ребенка в лоно семьи. Любая трапеза начиналась и заканчивалась ритуальным подношением для Гестии.

*Почетъ большая на долю тебе, о Гестия, досталась:
Вечно иметь пребыванье внутри обиталищ высоких
Всех олимпийцев и всех на земле обитающих смертных.
Дар превосходный и ценный тебе: у людей не бывает
Пира, в котором бы кто, при начале его, возлиянья
Первой тебе и последней не сделал вином медосладким⁴⁷.*

В каждом городе находился посвященный Гестии общественный очаг, в котором всегда поддерживался огонь. Основывая колонию, переселенцы брали с собой горящие угли из своего родного полиса, чтобы зажечь очаг на новом месте.

В Риме за неугасимым огнем в храме Весты следили шесть жриц-девственниц, называемых весталками.

Другие боги Олимпа

Кроме двенадцати верховных богов, на Олимпе обитали и другие божества. Самый значимый из них – бог любви **ЭРОТ** (римский Амур или Купидон). У Гомера нет никаких упоминаний о нем, тогда как для Гесиода он «между вечными всеми богами прекраснейший»⁴⁸.

В ранних мифах Эрот чаще всего предстает красивым серьезным юношей, который приносит людям полезные дары. Такое представление греков о нем нашло наиболее полное выражение не у поэтов, а у философа. По словам Платона, Любовь – Эрот – водворяется «в нравах и душах богов и людей, причем не во всех душах подряд, а только в мягких, ибо, встретив суровый нрав, уходит прочь...»⁴⁹. Самая главная из его добродетелей «состоит в том, что Эрот не обижает ни богов, ни людей и что ни боги, ни люди не обижают Эрота. ... Эрота насилие не касается... ибо Эроту служат всегда добровольно... <...>...те, чьим учителем оказывается этот бог, достигали великой славы...»⁵⁰.

В самых древних преданиях Эрот не сын Афродиты, а всего лишь ее случайный союзник. У более поздних поэтов он всегда ее отпрыск, при этом почти неизменно проказник и озорник, если не хуже.

⁴⁶ Речь идет о детях только тех жителей древнегреческого полиса, которые имели статус граждан. – *Прим. ред.*

⁴⁷ К Гестии // Гомеровские гимны. Перевод В. В. Вересаева.

⁴⁸ Гесиод. Теогония. Перевод В. В. Вересаева.

⁴⁹ Платон. Пир. Перевод С. К. Апта.

⁵⁰ Там же.

*...Зол его ум, хоть и сладостны речи.
Мыслит одно, говорит же другое. <...>
...ни слова
Правды не скажет; хитер и на зlostные шутки охотник.
<...> Крошечны ручки его, но метать ими может далеко.
<...> Маленький держит он лук, а на луке натянутом – стрелку;
Стрелка же, как ни мала, достигает до глуби эфира.
<...> Не прикасайся к подарку [его]: все вещи окунуты в пламя⁵¹.*

Эрота часто изображают с завязанными глазами, поскольку любовь обычно слепа. Его сопровождает **АНТЕРОТ**, который в одних версиях предстает божеством, мстящим за неразделенные чувства, а в других – противником любви. В свиту Эрота также входят **ГИМЕРОТ** (ГИМЕР), олицетворение страсти, желания, и **ГИМЕНЕЙ**, бог свадебной церемонии.



ГЕБА – богиня юности, дочь Зевса и Геры. Выступает виночерпием на пирах богов, хотя со временем эта обязанность переходит к Ганимеду, прекрасному троянскому царевичу, которого похитил и унес на Олимп орел Зевса. Отдельных сюжетов о Гебе нет, за исключением истории о ее бракосочетании с Гераклом.

ИРИДА – богиня радуги, посланница богов (в «Илиаде» единственная их вестница). Гермес в этой роли впервые появляется в «Одиссее», но не замещает Ириду, и небожители попеременно прибегают к услугам обоих.

Кроме того, на Олимпе обитали две группы прелестных сестер – музы и хариты.

⁵¹ Моск. Эрос-беглец. Перевод М. Е. Грабарь-Пассек.



ХАРИТЫ – три сестры, которых зовут Аглая («великолепие»), Евфросина («радость») и Талия («изобилие»)⁵². Они дочери Зевса и Эвриномы, рожденной титаном Океаном. За исключением встречающегося у Гомера и Гесиода упоминания о женитьбе Гефеста на Аглае, хариты нигде не выступают как отдельные персонажи. Сестры всегда вместе, это триединое воплощение красоты и изящества. Боги любовались их завораживающим танцем под звуки Аполлоновой лиры. Счастлив был тот, кому являлись прелестные богини. Они «делают жизнь цветущей». Вместе со своими спутницами музами хариты – «царицы пения», без них никакой пир не в радость.

МУЗЫ – девять дочерей Зевса и Мнемозины, олицетворяющей память. Поначалу их, как и харит, не различали между собой. Вот что говорит о музах Гесиод:

*Единомысленных девять она [Мнемозина] дочерей народила,
С рвущейся к песням душой, с беззаботным и радостным духом...
<...> Блажен человек, если Музы
Любят его: как приятен из уст его льющийся голос!
Если нежданное горе внезапно душой овладеет,
Если кто сохнет, печалью терзаясь, то стоит ему лишь
Песню услышать слугителя Муз, песнопевца...
И забывает он тотчас о горе своем; о заботах
Больше не помнит: совсем он от дара богинь изменился⁵³.*

В более поздние времена у каждой музы появилась своя сфера ответственности. Клио стала музой истории, Урания – астрономии, Мельпомена – трагедии, Талия – комедии, Терпсихора – танца, Каллиопа – эпической поэзии, Эрато – любовной поэзии, Полигимния – гимнов и од богам, Эвтерпа – лирической поэзии.

Гесиод жил у подножия горы Геликон, считавшейся любимым местом пребывания муз наряду с некоторыми другими горами – Пиерийскими, где божественные сестры родились, Парнасом и, конечно, Олимпом. Явившись Гесиоду в девятером, музы молвили: «Много умеем

⁵² Данная версия, изложенная в «Теогонии» Гесиода, получила наибольшее распространение. В других древнегреческих источниках встречаются расхождения относительно числа, происхождения и имен харит. У того же Гомера в «Илиаде» упоминается одна из младших харит, Пасифея, в которую влюблен бог сна Гипнос. Вечно юным благотворительным харитам, олицетворяющим красоту, веселье и радость жизни, соответствуют римские грации. Автор книги Эдит Гамильтон, следуя укоренившейся в искусстве и культурологии традиции, называет греческих харит грациями. В нашем переводе слово «грации» в большинстве случаев исправлено на «хариты». – Прим. ред.

⁵³ Гесиод. Теогония. Перевод В. В. Вересаева.

мы лжи рассказать за чистейшую правду. Если, однако, хотим, то и правду рассказывать можем!»⁵⁴ Они сопровождали не только харит, но и Аполлона⁵⁵, бога истины. Пиндар называет лиру инструментом, принадлежащим в равной степени музам и Аполлону: «О кифара золотая! Ты, Аполлона и Муз фиалкокудых равный удел!»⁵⁶ Вдохновенного музами человека почитали гораздо больше иного жреца.

Когда образ Зевса стал более возвышенным, рядом с ним на Олимпе воссели две величественные фигуры – **ФЕМИДА** (Право, Божественное правосудие) и **ДИКЕ** (Справедливость, Человеческое правосудие). Однако подлинной персонификации они не достигли. То же самое относится к двум воплощениям эмоций, которые у Гомера и Гесиода ценятся превыше всех остальных чувств, – это **НЕМЕЗИДА**, обычно означающая Праведный гнев, и **АЙДОС**, чье имя сложно перевести однозначно, хотя слово это у греков употреблялось часто. Оно подразумевало и почтительность, и стыд, удерживающий человека от несправедливых поступков, и в то же время ощущение, которое испытывает благополучный человек при виде обездоленных, – не сострадание, а осознание того, что его привилегированное положение незаслуженно.

Однако обитают Немезида и Айдос, судя по всему, не рядом с богами. Как утверждает Гесиод, лишь когда пороки овладеют людьми окончательно,

*Скорбно с широкодорожной земли на Олимп многоглавый,
Крепко плащом белоснежным закутав прекрасное тело,
К вечным богам вознесутся тогда, отлетевши от смертных,
Совесть и Стыд*⁵⁷.

* * *

Время от времени чести обитать на Олимпе удостоивались некоторые смертные, но, едва очутившись среди небожителей, они тут же исчезали из литературы. К этим историям мы еще вернемся.

Божества водной стихии

ПОСЕЙДОН (римский Нептун) повелевал морями – Средиземным и Понтом Эвксинским (то есть Гостеприимным морем, которое мы называем Черным). В его власти находились также подземные реки.

ОКЕАН – титан, владыка одноименного могучего потока, окружающего землю. Его женой стала титанида Тефида. Их дочери, океаниды, были нимфами этого великого мирового потока, а сыновья – божествами всех существующих на земле рек.

ПОНТ, то есть Глубокое море, – сын Матери-Земли и отец морского бога **НЕРЕЯ**, гораздо более значимого, чем он сам.

НЕРЕЙ именуется также «морским старцем» (местом его обитания считалось Средиземное море). Гесиод описывает его как «ненавистника лжи, правдолюбца», который «душою

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Отсюда одно из прозвищ Аполлона – Мусагет, или Музагет («предводитель муз»). – *Прим. ред.*

⁵⁶ Пиндар. Первая пифийская ода. Перевод В. И. Иванова.

⁵⁷ Гесиод. Труды и дни. Перевод В. В. Вересаева.

всегда откровенен, беззлобен, о правде не забывает, но сведущ в благих, справедливых советах»⁵⁸. Жена Нерея – океанида Дорида. У них родилось пятьдесят прелестных дочерей – морских нимф. В честь отца они назывались **НЕРЕИДАМИ**. Одна из них, **ФЕТИДА**, была матерью Ахилла. Еще одну, **АМФИТРИТУ**, взял в жены Посейдон.

ТРИТОН – морской вестник, трубивший в рог, сделанный из огромной раковины; сын Посейдона и Амфитриты.

ПРОТЕЙ иногда называется сыном Посейдона, иногда его подручным; обладает способностью предсказывать будущее и менять свой облик, как ему вздумается.

НАЯДЫ – еще одна разновидность водных нимф; обитали в ручьях, родниках и источниках.

ЛЕВКОТЕЯ и ее сын **ПАЛЕМОН** – бывшие смертные, Ино и Меликерт, ставшие морскими божествами. Точно такое же превращение претерпел **ГЛАВК**, но значимой роли в мифологических сюжетах никто из троих не играл.

Подземное царство

Царством мертвых правил один из двенадцати верховных олимпийских богов – Аид (у греков он также носил имя Плутон) со своей супругой Персефоной. Часто Аидом называли и саму преисподнюю. Как утверждает в «Илиаде», эта мрачная обитель скрыта в лоне земли. В «Одиссее» говорится, что врата в нее нужно искать на краю света, переплыв Океан. У более поздних поэтов различные входы в загробный мир располагаются в пещерах или возле глубоких озер.

Иногда в подземном царстве выделяли две области – Тартар и Эреб. В Тартаре, самой глубокой из Аидовых бездн, томились в заточении низвергнутые титаны, сыновья Матери-Земли, а через Эреб проходили души только что почивших. Однако зачастую эти области не различались, и любое из названий, особенно Тартар, могло обозначать всю преисподнюю целиком.

У Гомера подземный мир выглядит весьма расплывчато и неопределенно – это призрачное место, населенное бесплотными тенями. В нем все эфемерно. Существование там, если его можно так назвать, напоминает жуткий сон. Более поздние авторы все отчетливее изображают царство усопших как предел, где злодеи подвергаются наказанию, а праведники вознаграждаются. Римский поэт Вергилий развивает этот образ, добавляя такие подробности, какие не встречаются ни у кого из греческих стихотворцев. Он в красках описывает страшные муки одних и радость других. Кроме того, только Вергилий знакомит читателя с географией подземного царства. Путь в глубины преисподней ведет к месту слияния горестного Ахерона и реки плача Кокитос (римский Коцит). Старец Харон перевозит души умерших на другой берег, к адамантовым вратам Тартара (Вергилий предпочитает именно это название). Харон берет в ладью лишь тех, кому в рот, согласно обычаю, вложили монету для платы за переправу и кто был погребен по всем правилам.

На страже у входных врат сидит **ЦЕРБЕР** (Кербер) – трехглавый пес с драконьим хвостом. Он всех впускает внутрь, но никому не дает выйти обратно. Каждый усопший по прибытии предстает перед тремя судьями – Радамантом, Миносом и Эаком, которые приговаривают нечестивых к вечным мукам, а добродетельных отправляют блаженствовать в Элизий.

⁵⁸ Гесиод. Теогония. Перевод В. В. Вересаева.

Помимо Ахерона и Кокитоса, подземное царство отделяют от мира живых еще три реки: огненный Флегетон, Стикс, водами которого клянутся боги, давая нерушимый обет, и река забвения Лета.

Где-то в этой бескрайней юдоли скорби расположены чертоги Плутона, однако описания их нет ни у одного автора. Известно лишь, что там множество врат и не иссякает поток гостей, а вокруг простираются тоскливые ледяные пустоши и поля асфodelей – мертвенно-бледных, похожих на призраки цветов. Больше ничего о подземном жилище Плутона мы не знаем. Поэты предпочитали не задерживаться в этом сумрачном месте надолго.

* * *

ЭРИНИИ (римские **ФУРИИ**) помещаются Вергилием в подземный мир, где они наказывают преступников, тогда как в представлении греческих поэтов эти мстительницы преследовали грешников главным образом на земле. Они неумолимы, но справедливы. По утверждению Гераклита, даже «солнце не преступит положенной ему меры. В противном случае его настигнут эринии, блюстительницы правды»⁵⁹. Как правило, эриний было три: Тисифона, Мегера и Алектэ.

СОН и его брат **СМЕРТЬ** тоже обитают в подземном мире⁶⁰. Оттуда же возносятся к людям сновидения, вылетая через две пары ворот: роговые предназначены для правдивых снов, а ворота из слоновой кости – для лживых.

Другие земные божества

Мать-Земля⁶¹, прародительница всего сущего, божеством в строгом смысле слова не была. В сознании древних она оставалась неотделимой от земли как таковой и не персонифицировалась. Верховными божествами земли, игравшими важную роль в греческой и римской мифологии, выступали богиня урожая **ДЕМЕТРА** (римская **ЦЕРЕРА**), дочь Кроноса и Реи, и бог виноделия **ДИОНИС**, носивший также имя **ВАКХ**. Им посвящена следующая глава. Остальные божества, жившие в земном мире, сравнительно малозначимы.

ПАН главенствует в этой группе божеств. Он сын Гермеса, шумливый и веселый, как говорится в посвященном ему гомеровском гимне. В облике Пана есть анималистические (животные) черты: у него козлиные рога и копыта. Он покровительствовал пастухам овечьих отар и козых стад, весело отплясывал с лесными нимфами. Домом ему служили самые разные дикие места: глухие заросли, лесные чащи, горные склоны, но больше всего он любил свою родину – Аркадию. Пан был виртуозным музыкантом. Мелодии, которые он наигрывал на своей многоствольной тростниковой флейте, звучали слаще соловьиных трелей. Он постоянно влюблялся в какую-нибудь из нимф, но его отвергали из-за уродливой внешности.

Ему приписывали все ночные шорохи и скрипы, от которых уходила в пятки душа одинокого путника, – неудивительно, что безотчетный страх получил название «панического».

⁵⁹ Гераклит. О природе. Перевод А. О. Маковельского.

⁶⁰ В греческой мифологии персонификацией сна был Гипнос, а смерти – его брат Танатос. Они сыновья божества ночи Никты. – *Прим. ред.*

⁶¹ В греческой мифологии носит имя Гея. Согласно «Теогонии» Гесиода, Земля считается одним из четырех мирообразующих первоначал наряду с Хаосом, Тартаром и Эротом. – *Прим. ред.*

СИЛЕН считался либо сыном Пана, либо его братом и сыном Гермеса. Этот веселый тучный старик обычно едет на осле, потому что от обильных возлияний не держится на ногах. Его связывают не только с Паном, но и с Вакхом: он воспитывал бога виноделия, когда тот был еще юным, а потом, судя по беспробудному пьянству, из наставника превратился в истового приверженца.

Кроме перечисленных земных божеств, большой известностью и почитанием пользовались братья-близнецы **КАСТОР** и **ПОЛИДЕВК** (римский **ПОЛЛУКС**), которые, согласно большинству версий, жили попеременно то в подземном царстве, то на небе.

Они сыновья **ЛЕДЫ**. Обычно их считали божествами, которые особенно заботились о мореплавателях. Братья дарили спасенье

*...кораблям быстроходным, когда на неласковом море
Зимние бури бушуют*⁶².

Они же оберегали воинов в битве. Их высоко чтили в Риме⁶³ как «двойню великую, которой каждый дориец молился»⁶⁴.

Однако сведения о них полны противоречий. Иногда божественное происхождение приписывается только Полидевку, а Кастор считается обычным человеком, который обрел частичное бессмертие благодаря заступничеству любящего брата.

ЛЕДА – жена спартанского царя Тиндарея. По наиболее распространенной версии, она родила от своего мужа двух смертных детей – Кастора и Клитемнестру, будущую жену Агамемнона, а от Зевса, явившегося к ней в обличье лебедя, двух бессмертных – Полидевка и Елену, из-за которой вспыхнет Троянская война. Тем не менее зачастую «сыновьями Зевса» называют обоих братьев – и Кастора, и Полидевка. Собственно, их общее прозвище, Диоскуры, и означает в переводе с древнегреческого «отроки Зевса». С другой стороны, ничуть не реже братьев именуют Тиндаридами, то есть «детьми Тиндарея».

Диоскуры жили в эпоху, непосредственно предшествующую Троянской войне, то есть в одни времена с Тесеем, Ясоном и Аталантой. В этом разные варианты мифа полностью совпадают. Братья принимали участие в охоте на калидонского вепря и в походе аргонавтов за золотым руном, вернули домой похищенную Тесеем Елену. Однако во всех этих историях они не являются главными персонажами, за исключением сюжета о гибели Кастора, когда Полидевк доказал свою преданность брату.

Дело было так. Братья оказались – зачем, не сказано – во владениях скотоводов Идаса и Линкея. Там, согласно Пиндару, Идас, разозлившись из-за быков⁶⁵, пронзил Кастора копьем. Другие авторы утверждают, что ссора вспыхнула из-за двух дочерей правителя этих земель, Левкиппа. Полидевк убил Линкея, а Идаса сразил своей молнией Зевс. После гибели Кастора

⁶² К Диоскурам // Гомеровские гимны. Перевод В. В. Вересаева.

⁶³ На Римском форуме был возведен величественный храм в честь братьев Диоскуров после победы римлян над латинами. Фрагменты его позднейших реконструкций можно увидеть и сейчас. Со времен Империи сохранились статуи Диоскуров – римские копии древнегреческих оригиналов. Сегодня эти прекрасные скульптуры украшают, например, вершину знаменитой лестницы, ведущей на Капитолийский холм, и фонтан на Квиринальской площади. – *Прим. ред.*

⁶⁴ Томас Бабингтон Маколей. Битва у Регильского озера // Песни Древнего Рима. В начале V в. до н. э. римляне разгромили войско латинов в битве при Регильском озере. По преданию, одержать победу им помогло покровительство Диоскуров. Культ Диоскуров проник в Рим очень рано из Древней Греции, где доблестных братьев-воинов особенно почитали дорийцы, к которым относились спартанцы. – *Прим. ред.*

⁶⁵ Согласно некоторым вариантам мифа, Диоскуры вместе со своими двоюродными братьями Идасом и Линкеем, сыновьями мессенского царя Афарей, похитили в Аркадии быков. Однако Афаретиды не захотели делиться добычей и вероломно угнали все стадо к себе в Мессению. Диоскуры вторглись в их владения, чтобы вернуть быков. – *Прим. ред.*

безутешный Полидевк стал молить небеса лишиться жизни и его. Тогда Зевс, сжалившись, позволил ему поделиться бессмертием с братом:

*Половина дыхания твоего будет в глубях земли,
Половина – в золотых чертогах небес*⁶⁶.

По этой версии, братья с тех пор не разлучались. Один день они проводили в царстве Аида, другой – на Олимпе, всегда оставаясь вместе.

Более поздний греческий писатель, Лукиан, предлагает другую интерпретацию. У него братья обитали то на небе, то на земле, но только порознь: один здесь, другой там, и больше никогда друг с другом не виделись. В Лукиановой сатире Аполлон спрашивает Гермеса:

«– ... отчего они никогда не являются к нам вместе, но каждый из них поочередно делается то мертвецом, то богом?

– Это от их взаимной братской любви, – отвечает Гермес. – Когда оказалось, что один из сыновей Леды должен умереть, а другой – стать бессмертным, они таким образом разделили между собой бессмертие.

– Не понимаю я, Гермес, такого раздела: они ведь так никогда друг друга не увидят... <...> Но вот что меня еще интересует: я предсказываю будущее, Асклепий лечит людей, ты, как превосходный воспитатель, обучаешь гимнастике и борьбе... а они что же делают? Неужели они, совсем уже взрослые, живут, ничего не делая?

– Ничего подобного: они прислуживают Посейдону; на них лежит обязанность... приносить пловущим спасение.

– Да, Гермес, это очень хорошее и полезное занятие»⁶⁷.

Воплощением братьев Диоскуров на небе считались две самые яркие звезды в созвездии Близнецы.

Обоих традиционно изображали верхом на великолепных белоснежных скакунах, хотя Гомер отдает первенство в обращении с конями Кастору и в «Илиаде» называет их «Кастор, коней укротитель, с могучим бойцом Полидевком»⁶⁸.

СИЛЕНЫ – наполовину люди, наполовину кони; ходили не на четырех, а на двух ногах, но зачастую изображались с лошадиными копытами, иногда с лошадиными ушами и всегда с лошадиным хвостом. Отдельных мифов про них нет, однако на греческих вазах они встречаются часто.

САТИРЫ, как и Пан, имеют козлиные черты и, подобно ему, находят приют в диких местах.

В отличие от этих уродливых миксантропичных божеств все лесные богини имели облик прелестных юных дев – это нимфы гор **ОРЕАДЫ** и древесные нимфы **ДРИАДЫ**. Среди дриад выделялась особая группа – **ГАМАДРИАДЫ**, жизнь каждой из них была неотделима от жизни ее дерева⁶⁹.

ЭОЛ, повелитель ветров, тоже обитал на земле, а точнее на острове Эолия. Строго говоря, ветрами он распоряжался лишь как наместник богов. Главных ветров было четыре: северный **БОРЕЙ** (римский **АКВИЛОН**), западный **ЗЕФИР** (римский **ФАВОНИЙ**), южный **НОТ** (римский **АВСТЕР**) и восточный **ЭВР**, носивший у греков и римлян одно имя.

⁶⁶ Пиндар. Немейские песни. Перевод М. Л. Гаспарова.

⁶⁷ Лукиан Самосатский. Разговоры богов. Перевод С. С. Сребрного.

⁶⁸ Гомер. Илиада. Перевод Н. И. Гнедича.

⁶⁹ В отличие от остальных дриад, гамадриады смертны. Жизнь каждой из них была неразрывно связана с тем деревом, в котором эта нимфа обитала, то есть гамадриада рождалась и погибала вместе со своим деревом. – *Прим. ред.*



Водились на земле и существа, не причисляемые ни к божествам, ни к людям. Вот наиболее важные из них.

КЕНТАВРЫ – полулюди-полукони, в большинстве своем создания дикие, скорее животные, чем люди. Тем не менее один из них, **ХИРОН**, прославился своей добротой и мудростью.

ГОРГОНЫ – их три, но лишь две обладали бессмертием. Эти драконоподобные крылатые чудовища взглядом обращали человека в камень. Отцом их был Форкий, сын Моря (Понта) и Земли (Геи).

* * *

ГРАИ – сестры горгон, три седые старухи, имевшие один общий глаз на всех; жили на дальнем берегу Океана.

СИРЕНЫ обитали на острове посреди Моря. Они обладали чарующими голосами и своим пением заманивали моряков в гиблые места. Как сирены выглядели, неизвестно, поскольку никто из встретившихся с ними назад не вернулся.

Важную роль в мифологических сюжетах играли **БОГИНИ СУДЬБЫ** – *мойры* у греков и *парки* у римлян. Никакого особого места обитания ни на земле, ни на небесах у них не было. По Гесиоду, каждому человеку при рождении они назначали положенную ему меру добра и зла. Их трое: Клото («пряха») прядет нить жизни, Лахесис («дающая жребий») определяет участь человека, Атропос («неотвратимая») прерывает его жизненный путь, перерезая нить «жуткими ножницами»⁷⁰.

⁷⁰ Цитата из поэмы Джона Мильтона «Люсидас». – Прим. пер.



Римские боги

Двенадцать верховных олимпийцев, о которых рассказывалось выше, превратились и в римских богов. Под сильнейшим влиянием греческого искусства и литературы архаичные римские божества стали приобретать все большее сходство с соответствующими греческими, пока полностью не отождествились с ними. Однако почти все заимствованные у греков боги получили в Риме новые, латинские, имена. Это Юпитер (Зевс), Юнона (Гера), Нептун (Посейдон), Веста (Гестия), Марс (Арес), Минерва (Афина), Венера (Афродита), Меркурий (Гермес), Диана (Артемида), Вулкан, или Мульцибер (Гефест), Церера (Деметра).

Исконные греческие имена сохранили лишь Аполлон и Плутон, хотя последнего римляне, в отличие от греков, никогда не называли Аидом. Бог виноделия именовался только Вакхом, но не Дионисом, зато у него было и свое латинское имя – Либер.

Перенять греческих богов оказалось делом несложным, поскольку собственного персонафицированного пантеона римляне не имели. Они отличались глубокой религиозностью, но не слишком большим воображением, а потому сами никогда не смогли бы наделить олимпийцев живым характером и неповторимой индивидуальностью. Своих богов до их слияния с греческими римляне воспринимали как некие абстрактные, неопределенные «высшие силы». Их сонм назывался нумина (лат. *numina*), что означало «силы» или «воли», а может быть, совокупность того и другого.

Римляне до знакомства с греческой литературой и искусством не испытывали потребности в прекрасных, поэтичных образах богов. Этих людей с очень практичным складом ума совершенно не интересовали ни «фиалкокудрые»⁷¹ музы, вдохновительницы песен, ни Аполлон-кифаред, «сладкоречивый певец с многозвучною лирой»⁷², ни что-либо еще в том же духе. От богов ждали пользы и помощи. К примеру, важными для римлян были Тот, кто охраняет колыбель, или Тот, кто заботится о еде для детей. Никаких мифов о нумина не существовало. Эти отвлеченные «высшие силы» даже не всегда различались по половому признаку. Тем не менее они ощутимо облагораживали повседневный быт и рутинные хозяйственные дела, с которыми были тесно связаны. У греческих богов, за исключением Деметры и Диониса, таких функций не наблюдалось.

⁷¹ Эпитет муз у Пиндара. – *Прим. ред.*

⁷² К Аполлону // Гомеровские гимны. Перевод В. В. Вересаева.

Наиболее значимыми и высокочтимыми среди нумина были **ЛАРЫ** и **ПЕНАТЫ**. Каждая римская семья имела своего лара, духа одного из предков, и несколько пенатов, хранителей домашнего очага и кладовых. Это были личные божества семьи, которые принадлежали только ей, составляли самую важную ее часть, защищали и оберегали дом и всех домочадцев. В честь фамильных ларов и пенатов никогда не совершали обряды в храме, им поклонялись только дома, оставляя в качестве подношения немного еды от каждой трапезы. Помимо частных существовали общественные лары и пенаты, которые делали для города и государства то же самое, что их домашние собратья для семьи.

Хозяйственными делами ведали и многие другие нумина: страж земельных границ **ТЕРМИН**, дарующий плодородие **ПРИАП**, укрепляющий (-ая) здоровье скота **ПАЛЕС**⁷³, помощник пахарей и лесорубов **СИЛЬВАН**. Список можно составить длинный. Любой важный элемент хозяйства вверялся заботам благодетельного божества, которое при этом оставалось обезличенным.

САТУРН тоже изначально принадлежал к числу подобных сил. Он был покровителем сеятелей и семян, а его супруга **ОПА** – подательницей щедрых урожаев. В дальнейшем Сатурна начали отождествлять с греческим Кроносом и считать отцом Юпитера (греческого Зевса). В результате этих метаморфоз он обрел персональные черты и стал действующим лицом ряда мифологических сюжетов. В память о золотом веке владычества Сатурна в Италии римляне каждую зиму устраивали пышные празднества, сатурналии, чтобы хотя бы ненадолго вернуть на землю ту благословенную пору. В дни сатурналий запрещалось объявлять войны, рабы ели с хозяевами за одним столом, казни откладывались, все дарили друг другу подарки. Так в сознании людей поддерживалась идея равенства, представление о неких патриархальных временах, когда не было социальных различий.

ЯНУС тоже происходил из когорты нумина и считался богом добрых начал, которые, разумеется, должны были иметь и благополучное завершение. Впоследствии он до определенной степени персонифицировался. Врата его главного храма в Риме выходили на восток, где день начинался, и на запад, где день заканчивался, а между ними стояла статуя Януса с двумя лицами – юным и старческим⁷⁴

⁷³ Сохранились посвящения, где к этому пастушескому божеству обращаются то в женском, то в мужском роде, но чаще всего римляне все-таки воспринимали Палес как женское божество. – *Прим. ред.*

⁷⁴ Янус обладал даром знать прошлое и предвидеть будущее, поэтому одно лицо у него было обращено назад, а второе – вперед. – *Прим. ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.